

Бернар-Андре МАРЛЬЕР

Жодонь, Бельгия

Советник по французскому языку средних католических школ

Президент ассоциации «Перекресток Романских Культур», директор серии изданий «Le français en balade» (издательство «Erasme»)

Латынь – язык мертвый?

Миноритарные языки находятся под угрозой. Говорят, что каждый день один из них исчезает. Язык является живым существом: если он умирает, то это бесповоротно, заново он никогда уже не возродится. В мировой истории известно только одно исключение, когда язык возродился спустя две тысячи лет после своей смерти. Это иврит. Еврейский народ, который хотел его воскрешения, в 1947 г. вновь обрел свою землю и свое государство – нынешний Израиль.

Существование земли, родины, Государства, где *язык практикуется и признан официальным, является фундаментом его сохранения*. Язык без страны – это язык под угрозой исчезновения. Этим и объясняется тот факт, что такой искусственный язык, как эсперанто, не имеет большого успеха, насчитывает всего несколько десятков тысяч случайных практикующих и не признан официальным ни в одной стране мира, кроме Венгрии.

С этой точки зрения ситуация с *латинским языком* ясна: официальный язык Римской Империи, он потерял свой статус и свою территорию в V в. с распадом западной части этой империи, и его использование постепенно изменилось.

Итак, латынь – язык мертвый? Нет. Утверждение, что он мертвый, является по сути исторической ложью. До XVIII в. латынь оставалась основным языком европейской дипломатии и обиходным языком всей интеллигенции Европы.

Однако французам захотелось изменить эту ситуацию. В XVIII в. они объявили латынь мертвым языком, а французский язык получил широкое распространение во дворцах Европы: в Вене, в Санкт-Петербурге (при Екатерине Второй), в Берлине (при Фредерихе Прусском) и в других городах. Престиж французских философов здесь сыграл большую роль: Вольтер и Дидро вращались в кругу королей и принцев.

Однако этому престижу был нанесен серьезный удар действиями французских революционеров в 1789 г., убийцами короля и дворян, а затем кровавыми военными походами Наполеона. Тогда-то и начался закат французского языка как языка универсального.

Что касается *латыни*, этот мертвый язык чувствует себя прекрасно: ее изучают до сих пор в средних учебных заведениях и в университетах многих стран как язык культуры за ее педагогическую и интеллектуальную ценность; она остается литургическим языком Католической церкви; она является официальным языком самого маленького государства мира – Ватикана; она необходима филологам и лингвистам как язык-основа для романских языков, на которых говорит около 800 млн человек.

Если латынь была языком всей Римской империи, то на романских языках сегодня говорит только половина Европы: Испания, Италия, Франция, Португалия, южная Бельгия, французская Швейцария, Румыния и Молдавия. Романские языки охватывают Центральную и Южную Америку, а также Мексику и Квебек, входят в число официальных языков бывших французских, испанских, португальских и бельгийских колоний, половины Африки и Филиппинских островов. Они используются в странах, где господствуют не романские языки, но проживает романоязычное население, например в Соединенных Штатах и странах Магриба.

Латынь изучается с таким большим желанием, что можно говорить о легкости языка, его *прозрачности*, как испанского, итальянского, для которых характерно простое соответствие между графемами и фонемами: очень часто одна фонема соответствует одному начертанию, и одно начертание – одной фонеме. Если бы все языки записывались с помощью Международного фонетического алфавита, они все были бы прозрачными и слово «орфография» больше не существовало бы.

Слова в непрозрачных языках, как в английском и французском, напротив, пишутся и произносятся по-разному, поэтому приходится тратить много времени для обучения орфографии.

В чем информатика может помочь латыни? В сохранении (как это делают библиотеки) классических произведений на этом языке.

Хотел бы упомянуть о деятельности преподавателей университета г. Авиньон, пытающихся навязать «современную латынь», упрощенный язык, который смог бы конкурировать с «бейсик-инглиш» среди носителей романских языков. Упрощенный словарь из 5000 слов дал бы возможность одному миллиарду человек, родные языки которых берут начало от латыни, общаться между собой. В реализации этого грандиозного плана мог бы помочь Интернет – орудие распространения информации. Но как бы ни распространяли эту «современную латынь», она останется утопией в той же степени, как эсперанто или же волапук.

Как бы там ни было, вопреки усилиям настойчивых противников, латынь остается вполне живой. Ее хотят убить, это точно. Но будьте уверены: *она* переживет всех нас.